

АРИАДНА БОРИСОВА

ЗАПИСКИ ДЛЯ МОИХ ПОТОМКОВ

Ариадна Валентиновна Борисова

Записки для моих потомков

Серия «Записки для моих потомков», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7775597

Записки для моих потомков: Повесть в рассказах. / Ариадна Борисова.

Художник Ольга Громова: Настя и Никита; Москва; 2014

ISBN 978-5-9905522-5-8

Аннотация

Валентинка проводит летние каникулы в деревне у бабушки вместе с компаний друзей и собакой Мальвой. За лето столько всего случается! Экспедиция в таинственный Синий лес, встреча с таёжным великаном Сырбырхырчиком, откапывание и закапывание несметных сокровищ, освоение методов дедукции, знакомство с динозавром, который обитает в речке... Эти невероятно весёлые и в какой-то мере драматические приключения достойны того, чтобы главная героиня «Записок...» поделилась ими со своими потомками.

Содержание

Синий лес	5
Операция «МИК»	28
Огородный барабан	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ариадна Борисова

Записки для моих потомков

© Ариадна Борисова, текст, 2013

© Ольга Громова, иллюстрации, 2013

© ООО «Издательство «Настя и Никита», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Синий лес

Синий лес

* * *

Папа жужжал электробритвой в ванной и громко пел:

– Снова зеленеют всходы на полях, наступило лето...

«На мою мозоль», – прошептала я. Хотя, по правде, я очень люблю лето, а через несколько дней поеду к бабушке на каникулы. Там меня давно ждут мои деревенские друзья Васька, Сардана, Павлик и лайка Мальва. И ещё дядя Сеня. Он живёт в городе, как и мы, но отпуск у него в этом году длинный, он будет гостить у бабушки почти всё лето, а мама с папой – недолго, но станут приезжать по выходным. Дядя

дя Сеня – мой друг, потому что он хоть и взрослый, но всё-всё понимает. Бабушка называет его мальчишкой, хотя он довольно старый, ему, кажется, двадцать или тридцать лет.

В прошлом году у Мальвы родились сразу восемь щенят. Они были хорошенькие, толстые, пузатые, с влажными бархатными носами и сизыми глазками. Я на них наглядеться не могла. А потом малыши подросли, и их отдали «в хорошие руки». Так говорят, когда хотят сказать «хорошим людям». Будто у злых людей могут быть хорошие руки или, наоборот, злые руки у добрых. Как я ни просила, мне не позволили оставить ни одного щенка. Мальва, снова оставшись одна, нервничала и выла по ночам. Её можно понять: если бы, например, звери отбирали у людей их детей и отдавали в чьи-нибудь, даже хорошие, лапы, люди бы тоже, наверное, выли всю ночь напролёт.

Когда мы приехали в деревню, Мальва встретила меня радостным лаем. У неё появились новые детки. Я не видела более красивых собачат: почти у всех белые носочки, а подошвы лап такие же розовые, как зевающие рты, полные крошечных острых зубов. Щенки доверчиво тыкались в мою ладонь и осторожно покусывали за пальцы. Во что бы то ни стало оставлю себе одного!

Но на следующий день случилось ужасное: утром, пока я спала, всех щенят отдали какому-то охотнику. Мама сказала, что в этот раз родились одни девочки и кроме охотника никто не захотел их взять.

Я закричала:

– Тогда и меня отдайте, я ведь тоже девочка!

Мама сильно покраснела, потому что у нас в гостях сидела её подруга тётя Лида. Мама больно взяла меня за плечо и без слов повернула к двери. Но мне хотелось отомстить за Мальву, и я снова крикнула:

– Отдайте меня в хорошие руки!

В отчаянии я стукнула кулаком о стенку посудного шкафа, и бабушкин старинный фарфоровый сервиз жалобно зазвенел. Тётя Лида осуждающе покачала головой.

– Валентина! – воскликнула мама. Полным именем она называет меня, когда сильно злится.

Иногда мамина подруга вроде хорошая, а порой – хуже

некуда. Я внимательно глянула на неё: какая она сегодня? Тётя Лида сделала постное лицо, а мама зачем-то переставила несколько чашек в шкафу. Тогда я спокойно, совсем взрослому сказала:

– То, как вы поступили с Мальвой, – кощунство.

Папа вчера объяснил, что означает это шипящее слово. Это когда люди подло относятся к чему-то доброму и святому. Мальва, конечно, не святая, но уж точно добрая.

Прежде чем закрыть за собой дверь, я добавила:

– А ты, мама, кощунья.

ПРОПАЛА
ЛЯГУШКА!
ОЧЕНЬ КРАСИВАЯ,
И ДОБРАЯ

3-11
СЯ

3-11
АСЯ

2-3-11
ЗАСЯ

По дороге к Ваське я жалела о сказанном. Пожалуй, это тоже кощунство – обзывать при чужом человеке. У меня, наверное, начался переходный возраст.

Васька сидел на крыльце хмурый. Оказывается, и у него тоже случилась неприятность. Недавно он поймал очень красивую лягушку с крапчатым красным пузиком и прозрачными лапами. Павлик сказал, что она, вполне вероятно, какая-нибудь заколдованная царевна. Лягушка жила в коробке из-под обуви под кроватью. Васька кормил её комарами и менял ей влажную травку, а потом лягушка как-то выбралась из коробки, вылезла в прихожую и нечаянно прыгнула на ногу Васькиной маме. Лягушку тут же безжалостно выкинули во двор. И где теперь её искать? А ведь Васька привязался к ней, и она к нему тоже. Взрослые думают, что раз они большие, значит умные. Но умные люди никогда не визжат при виде лягушки так, будто на них бросился крокодил.

Я ненавижу, когда животным делают больно, а тем более когда их убивают. Я видела по телевизору, как один дядька убил из ружья птицу фламинго, чтобы сделать из неё чучело. Она была красивая и живая, с коленками назад и розовыми, как мякоть арбуза, перьями. Я вспомнила об этом, и в груди стало больно, словно кто-то выстрелил мне в сердце.

Говорят, в последнее время я изменилась в худшую сторону. Не знаю, где она находится, слева или справа, но по крайней мере не там, где плохо относятся к животным. Я по-

думала: хорошо бы насовсем уйти от взрослых в Синий лес. Я о нём ещё не рассказывала ни папе, ни маме, ни даже дяде Сене.

Бабушкину деревню окружают горы. Ближний лес на них обыкновенный, зелёный, а дальний – синий-синий. Нам с друзьями ещё ни разу не удавалось до него дойти, но мы знаем, какой он красивый. В том лесу стоят прекрасные вечно голубые ели, растёт голубика и летают голуби. Голубые мотыльки пьют там росу из васильков, а синие в белую полоску бурундуки грызут сыроежки-синявки. В это трудно поверить, но ведь зрение нас не обманывает: лес на дальних горах действительно синий! И вот мы договорились тайно уйти ото всех и начать новую жизнь в прекрасном лесу.

Я вернулась домой и положила в пакет полбуханки хлеба, банку сгущённого молока и вяленую рыбину. На первое время хватит, а когда будет совсем нечего есть, мы станем собирать ягоды, грибы и коренья. А зимой сварим чьи-нибудь ботинки – раньше ведь именно так спасались от голода. На случай голода я прихватила папин кожаный ремень, а на случай дождя – мамин зонтик.

Бабушка подоила корову Мотю и принесла мне в комнату кружку парного молока.

– Куда это ты собралась? – удивилась она.

Я весело ответила:

– На синие горы рвать синие помидоры!

Бабушка закудала, как курочка, – засмеялась. Подумала, что я пошутила. Кого мне жаль оставлять, так это бабушку. Она замечательная, знает множество историй и сказок. Когда у меня болит горло, она натирает мою спину тёплым медвежьим салом и приговаривает: «Медведко неробкий, забери хворобку!» А если я увижу плохой сон, бабушка поворачивает меня лицом к окну и шепчет: «Сон – в ночь, ночь – прочь!» Всё это, конечно, суеверия, но бабушку я всё равно очень люблю!

Мне не хотелось её расстраивать, поэтому, когда она вышла, я написала записку: «Бабуля! Приходи к нам в гости в Синий лес!»

Мальву мы взяли с собой. Через некоторое время все мы

посинеет в чудесном лесу, а у Мальвы, может быть, родится целая куча щенков с блестящей синей шерсткой.

По пути к лесу мы болтали о всяком-разном. Васька сказал:

– Каникулы – благодать Божья!

И все с ним согласились. Здорово, что теперь у нас будут сплошные каникулы! Только мне почему-то стало немножко грустно. Значит, я уже не буду на утреннике певчей попрыгуньей-стрекозой из басни Крылова. Не увижу, как рыбки гуппи волнуются глазастыми хвостами в круглом аквариуме – за рыбками в городской квартире остался ухаживать папа. Не услышу бабушкиных сказок и дяди-Сениных стихов. И мне больше никогда не придется петь соло в хоре на школьных концертах...

Петь я очень люблю и ещё подумаю, кем стать, когда вырасту, – матросом или певицей. Павлик считает, что одному другому не мешает. Говорит, что я вполне могу стать поющим матросом, ведь кому-то на корабле надо запевать: «Йо-хо-хо, и бутылка рому» (так пели матросы в каком-то старинном кино).

Кругом было светло и лучисто от солнца. Мы шагали по сухой тропке, присыпанной старой золотистой хвоей. Вкусно пахло клейкими берёзовыми листьями и началом лета. Я не успела дома позавтракать и предложила остановиться.

– Почему говорят «завтрак»? – спросил Васька. – Мы же едим не завтра, а сегодня. Лучше бы назвали «утренник».

Но слово «утренник» означает совсем другое! Мне снова вспомнилась школа, и в носу почему-то защипало.

Вскоре мы нашли полянку с тугой ворсистой травкой, похожую на новый бильярдный стол в деревенском Доме культуры. Не успели расположиться, как Мальва утащила Павликову колбасу. Собака вела себя ужасно! Должно быть, совсем потеряла голову от тоски по щенятам.

Поели «что Бог послал», как говорит моя бабушка. Бог послал нам пирожки, настряпанные Сарданиной мамой, варёные яйца и молоко в пластиковой бутылке. Васькин сыр, мою рыбу, хлеб и сгущёнку мы оставили на потом.

Надо было посмотреть, далеко ли ещё Синий лес, поэтому Васька полез на самую высокую сосну. Он у нас лучший верхолаз по деревьям.

Недавно я начала вести дневник для моих потомков. Я написала там, что умею залезать на столбы и, если станет нужно, запросто заберусь на любую высокую скалу. Если честно, я, конечно, приврала. Но когда спросила дядю Сеню, можно ли немного преувеличить в записях свою храбрость, он сказал – можно, это святая ложь во имя воспитания будущих

поколений на личном примере.

Васька с верхушки закричал, что видит Синий лес, он далеко, но не очень. Мы обрадовались и запрыгали под сосной. А Васька вдруг замолчал. Он сидел на толстом суку под самым небом, и сначала нам были видны только его ноги в кедах. Потом, нагнувшись, он тоскливо прокричал, что не может спуститься обратно. Мы понимали, как трудно его спасти. Вытащить человека из воды или из горящего дома легко, надо только проявить героизм и мужество. Того и другого у нас хватает. А попробуйте снять Ваську без пожарной лестницы с такого высокого дерева! Мы усиленно принялись думать, а он мешал сосредоточиться и без конца кричал:

– Ну что? Ну что?!

Павлик самый умный из нас, учится на одни пятёрки и за свои девять с половиной лет прочитал целую гору книжек. Вся надежда была на него. Он начал вычерчивать план Васькиного спасения прутиком на тропинке. Павлик думал очень старательно, становился на четвереньки, бегал и даже весь взмок. Вскоре выяснилось: по его плану выходит, что спасение невозможно.

Павлик сказал:

– Придётся тебе, Васька, остаться жить на сосне. Ты будешь первым человеком в мире, который начал жить на необитаемом дереве, и оно с твоей помощью стало обитаемым. Когда ты на нём постареешь, твоё имя наверняка войдет в Книгу рекордов Гиннесса.

А Сардана сказала совсем как в мультике про Винни-Пу-

ха:

– Ой, кажется, дождь собирается...

Я хотела раскрыть мамин зонтик, но не увидела в небе ни облачка. Оказывается, это Васька заплакал. Ему нечем было утереть слёзы, и они капали вниз.

Для поднятия Васькиного духа Павлик бодро заорал:

– Эй, на мачте! Как по курсу – земля далеко?

Но «на мачте» было не до игры.

– Снимите! Меня! Отсюда!!! – рыдал Васька.

Примерно через полчаса мы снова проголодались от силь-

ного волнения, криков и беготни.

Было решено доесть остальное. Павлик прорубил в банке со сгущёнкой две дырки перочинным ножиком.

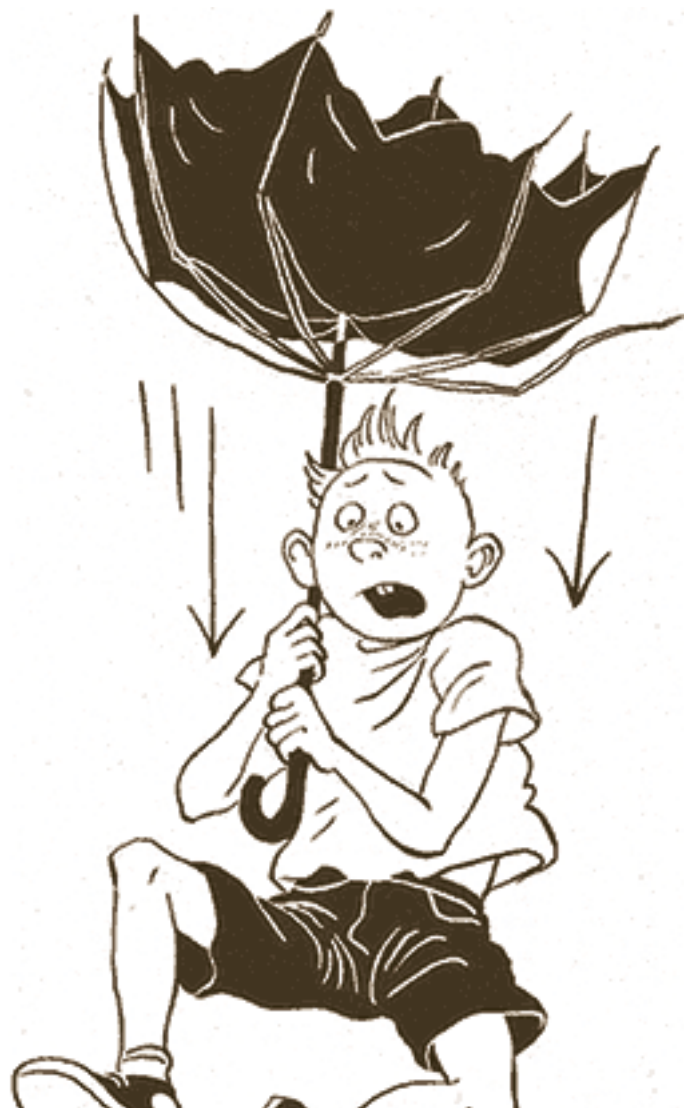
– А я?! – закричал Васька. – Мне, что ли, ничего не до-
станется?

Тогда Павлик, вздохнув, сказал, что так и быть, мы обойдёмся сыром и рыбой, и попробовал закинуть банку рекордсмену життя на дереве. Бросали долго, пока ветки не покрылись сладким молоком. Я, наконец, швырнула удачнее всех – банка угодила Ваське по лбу. Он чуть не свалился, зато сгущёнка пролилась на его колени. Было очень интересно наблюдать за тем, как Васька, будто настоящий акробат, держась за верхние ветки, слизывает сгущёнку с коленей. Сарда-на сказала, что если нам когда-нибудь в жизни удастся снять его с дерева, то можно будет предложить этот номер цирку.

Пакеты и сумки нам были уже не нужны, поэтому ремень я нацепила на себя, а других продуктов у нас не осталось. Я подняла с земли зонтик, и меня вдруг осенила гениальная идея... Если Васька сумеет поймать зонтик, то сможет воспользоваться им как парашютом!

Мы сначала сами немного потренировались, прыгая с пенька, потом принялись забрасывать зонтик Ваське. С двадцатого захода он поймал и раскрыл «парашют», но спрыгнуть забоялся. Лишь когда Павлик в нетерпении завопил: «Ну, прыгай же, трус несчастный!», Васька зажмурил глаза и рухнул вниз... Мы, конечно, разбежались подальше, чтобы

он не упал нам на головы.

Жаль всё-таки, что люди не летают! Иногда я летаю во сне и вижу сверху всю нашу Землю. Она такая маленькая, круглая, как глобус, зелёная, голубая, жёлтая – разноцветная. От счастья у меня становится щеkotно в животе и холодеют ладони...

Но Васька почему-то совсем не выглядел счастливым, хотя только что шумно и красиво пролетел сквозь ветви на наших глазах. Из него не получится настоящего парашютиста: свалившись на мягкий мох, он умудрился зашибить ногу. Зонтик испортил – спицы загнулись вверх и материал порвался. К тому же Васька забыл, в какой стороне видел Синий лес.

Мы отправились наугад. Шли молча и время от времени останавливались, поджидая хромающего Ваську. Нам было грустно. Сардану заели комары, она потихоньку ныла. Мне ни капельки не хотелось петь, хотя обычно петь я люблю в любое время года, суток и часов.

У каждого человека в голове бывают разные мысли – хорошие и вредные. Если начать думать вредную мысль, за ней потянется целая куча таких же. «Во всём виноват Васька, – думала я. Никак не могла удержаться от этой вредной мысли. – Он, оказывается, трус. А ещё у него зубы клавишами». Я шла, а в голове крутились вредные мысли. Наверное, они передались по ветру Павлику, потому что он сердито сказал Ваське:

– Лучше бы ты дома сидел, лопух.

Тот ничего не ответил.

Мы устроили привал под большой берёзой. Есть было нечего. Павлик хотел разжечь костер и сварить ремень, но обнаружилось, что ни спичек, ни котелка никто не захватил. Мы приуныли: никому не хотелось умирать голодной смертью в самом расцвете лет.

Вдруг Сардана встрепенулась и шепнула:

– Тихо!

Мы прислушались. Совсем рядом с нами раздались страшные звуки: «Ср-бр-хр! Ср-бр-хр!»

Павлик выпучил глаза и пролепетал:

– Это Сырбырхырчик, таёжный великан... Он съедает всех животных на своём пути...

– И людей тоже? – испугалась Сардана.

– Их – в первую очередь, – подтвердил Павлик, дрожа.

Сырбырхырчк

У меня тоже мелко затряслись руки, и я повернулась к Ваське – это с его стороны раздавались жуткие звуки.

Васька спал как ни в чём ни бывало! Я хотела его растормошить и внезапно поняла, что это, оказывается, он храпит и выводит носом «ср-бр-хр»!

Не успели мы перевести дух и засмеяться, как в соседнем перелеске кто-то громко задышал и начал ломать кусты. Мальва громко залаяла. Васька тут же проснулся, мы с Сарданой завизжали и бросились кто куда, а Павлик с быстротой молнии влез на берёзу. Я упала в высокий багульник, зажала ладонями уши и крепко-накрепко зажмурила глаза. Мне нравится разглядывать великанов на картинках в красивой большой книге про мифических греков, но по-настоящему,

перед собой... Ну уж нетушки!

Я долго ждала, а потом мне стало интересно, чем всё кончилось. Я привстала и увидела, что Васька гладит по крутому боку пёструю корову. Сардана высунулась из-за коряги.

– Заблудилась, бедняга, – сказал Васька заботливо. – Надо бы подоить, вон какое вымя тугое.

Павлик сразу сделал вид, что он залез на берёзу просто так, ради развлечения. И торжественно закричал:

– Мы не бросим несчастную! Мы приведём заблудшее животное к отчему дому!

Павлика никто не слушал. Васька принялся доить корову, а мы с Сарданой подставляли ладони под живые струи и пили парное молоко, которое пахло травой и солнцем, и тепло дымилось в наших руках.

Мальва весело побежала вперёд, то есть назад по тропе. Мы двигались нарочно медленно, подстраиваясь под Васькину хромую ногу.

Наверное, была уже ночь, но в начале лета ночи у нас в Якутии белые – «молочные», как говорит моя бабушка. Я видела, как Павлик не без опаски трогает коровью холку. Его родители ездят на работу в город, им некогда держать коров. А в Васькиной усадьбе полно всякой живности: коровы, поросята, гуси, куры...

Сардана чему-то улыбалась, рассеянно отмахиваясь от комаров берёзовой веткой. Мне было хорошо, не беспокоили никакие вредные мысли. Только ужасно хотелось петь. И я

запела, сначала потихоньку, а потом всё громче и громче, и меня слушали молчаливая тайга, ребята, Мальва и корова. Я пела без слов, но они всё понимали. Песня была о том, что Васька не трус, а если у него зубы немножко клавишами, так это же хорошо, зато не беззубый. Я пела, что мне попадёт от мамы за зонтик. Я пела о великане Сырбырхырчике, о Мальвиных дочках, отданных охотнику, и о нерождённых щенятах с блестящей синей шерсткой. Я пела, что мы не умрём никогда-никогда, вырастем по-настоящему храбрыми и снова отправимся в далёкий Синий лес.

Операция «МИК»

Операция «МИК»

* * *

В дальнем конце нашего двора стоит старая беседка. Ей, наверное, сто лет. Она снизу доверху увита смешными растениями, похожими на колючие огурчики. Есть их, к сожалению, нельзя. Я давно уже знаю, что они горькие и пустые внутри.

Позади беседки проходит канава, которая весной наполняется водой, а летом высыхает, но с каждым годом становится всё шире и подступает ко двору. Бабушка велела засыпать канаву, но папа с дядей Сеней всё время забывают. Иногда они собираются в беседке с соседскими дяденьками

и шумно разговаривают о политике и других неинтересных делах. А что ещё делать в беседке, как не беседовать? Поэтому мы тоже порой сидим в ней и болтаем, как сейчас.

– Вот если бы найти клад, – мечтает Павлик, – мы бы тогда сдали его государству и за это попросили бы государство купить нам большой корабль, на котором можно путешествовать. Мы бы уплыли в такие места, где кладов – пруд пруди, только успевай откапывать. Особенно их много в горах, у моря и в жарких пустынях. В старину по пустыням шли караваны верблюдов, купцы везли сундуки с драгоценностями, а когда на караваны собирались напасть разбойники, купцы зарывали богатство в песок. Золотые монеты, серебряные кубки, жемчуг и бриллианты так до сих пор и томятся, закопанные, так и ждут, чтобы кто-нибудь их откопал.

– Я слышал, есть пустыня из сахара, – сказал Васька.

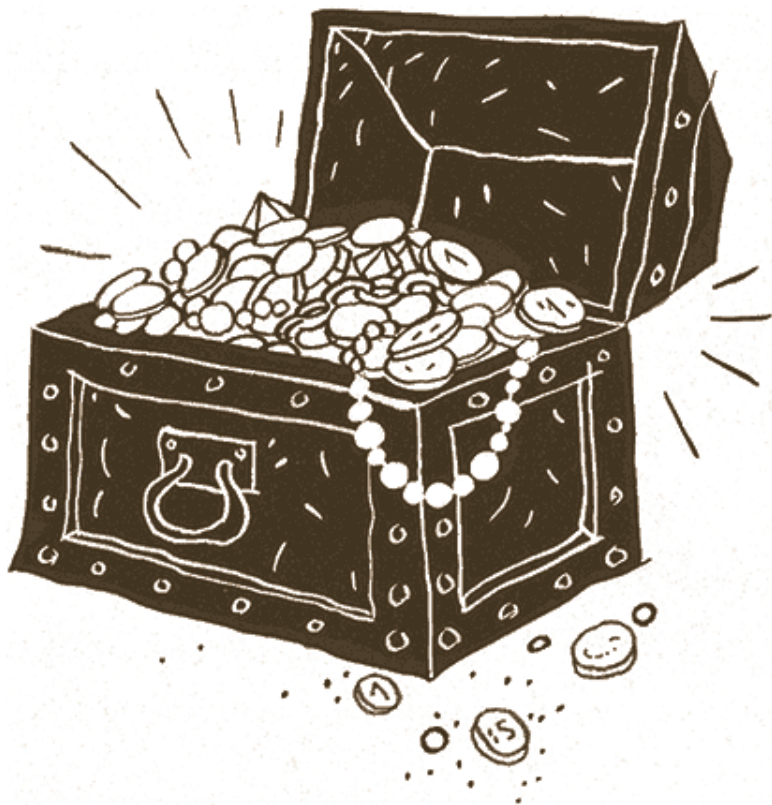
Павлик засмеялся:

– Ты, наверное, Сахáру имеешь в виду. Она просто так называется. Это очень старинная пустыня. По её барханам, может быть, до сих пор ползают огнедышащие драконы-вараны.

– А барханы кто такие?

– Покатые песчаные горы. Как штормовые волны в море, только застывшие. В них-то купцы и зарывали свои сундуки...

– Как ты думаешь, а у нас на Севере ещё остались клады? – поинтересовалась Сардана.

Павлик ответил, что да, наверняка. Возможно, клад где-то рядом. Очевидно... Скорее всего, именно здесь... И Павлик забегал кругами, размахивая руками и крича:

– Точно! Несомненно! Бесспорно! Конечно, клад здесь!

Под этой беседкой, она же старинная!

Потом резко остановился напротив меня:

– Говори быстро, твой прадедушка был купцом?

– Не знаю, – растерялась я.

– Как! – воскликнул Павлик гневно. – Ты не знаешь, кем был твой прадед?!

Я разозлилась:

– Ты, что ли, о своём много знаешь?

Павлик сразу успокоился и сказал, что его отец прав: человечество плохо знает свою историю. С задумчивым видом он осмотрел беседку и пробормотал:

– Когда-то она была красивая, вон сверху узоры резные сохранились. Твои предки, Валентинка, были богатыми людьми, если могли сидеть тут, чай гонять...

Васька принес три лопаты, и мы принялись подкапывать землю под беседкой. Павлик радовался, что ему первому пришла в голову счастливая идея провести операцию «МИК» – «Мы ищем клад». В деревне ещё никто не пробовал искать купеческие клады.

Мы трудились до обеда, но нашли только пару ржавых банок, резиновую галошу и набрали полную кружку дождевых червей. Павлик показывал, как надо правильно копать, хватал и отбрасывал Васькину лопату, ругал его за бестолковость и всячески руководил операцией.

Наскоро перекусив дома, мы снова стали рыть землю и к вечеру выкопали довольно большую яму, ужасно устали и потихоньку начали сомневаться в существовании клада.

– Павлик, – вздохнула Сардана, держась, как старушка, за спину. – Мне почему-то кажется, Валентинкины предки не были купцами...

Павлик смотрел на нас с упреком и сожалением:

– Эх вы, искатели сокровищ!

Он привязал к палке кусочек магнита и объявил, что изобрёл металлоискатель.

– С ним можно найти в земле даже автомобиль. А если потом я усовершенствую изобретение и пущу в производство, то даже могу получить всемирную премию за свою гениальность!

Скоро металлоискатель начал к чему-то притягиваться. Мы с надеждой столпились вокруг ямы. Павликина лопата таинственно звякнула. Земля была твёрдая, как обгрызенная мышами прошлогодняя халва, которую я как-то обнаружила у бабушки в кладовке, но понемногу стала показываться загадочная синяя крышка.

– Клад, клад, – дрожа и вовсю работая лопатой, шептал Павлик. – У меня тонкий нюх на клады... Смотрите, это горшок, он набит золотом...

Глаза у него горели, ноздри раздувались, а рот просто не закрывался от счастья. Я испугалась, не заразился ли он от клада золотой лихорадкой.

Действительно, это был горшок. Он смутно напомнил мне те далёкие дни, когда у меня под кроватью стоял почти такой же. Павлик с трудом открыл проржавевшую крышку и...

Я так и знала. Если там чем-то и пахло, то совсем не золотом.

Мы ужасно расстроились, а о Павлике и говорить нечего. У него даже глаза стали мокрые.

– Ты... плачешь? – удивился Васька.

– Сам ты плакса, – огрызнулся Павлик, – это не слёзы, а мечты. Они грустят оттого, что мы ничего не нашли, вот и плачут.

Васька пожалел Павликовы мечты и сказал для утешения:
– А я знаю, где земля закругляется. Это близко, за озером.

Павлик сразу оживился, и мечты перестали капать.

– Ну и пусть нет клада, – встрепенулся он, – зато земля круглая, а мы живём на Севере!

– Ну и что?

– А то, что если набраться терпения и копать ещё недельку, мы вполне можем выйти в Африку насквозь! Надо только вычислить на глобусе угол и копать немножко криво.

Павлик сбегал домой, принес глобус и принялся высчитывать угол, а мы с новой силой взялись за работу.

– Землю скрепляют специальные пояса – меридианы, чтобы она не развалилась, – разглагольствовал Павлик.

– Совсем не потому, – возразила Сардана, – не чтобы не развалилась, а потому что Земля вертится.

Я очень хочу попасть в Африку. Там на пальмах растут волосатые орехи кокосы, а бананов столько, что можно есть даром весь год без передышки. Я бы подружилась с африканскими детьми. Жаль, конечно, что не знаю их языка, но можно разговаривать на пальцах. Мы бы поняли друг друга. Надо попросить у бабушки денег на мороженое. Мы проле-

зем в дырку быстро, мороженое не успеет растаять. Я угощу ребят мороженым, они его, наверное, никогда не видели.

Не забыть бы сачок для крохотных птичек-колибри, которые пьют золотой нектар из прекрасных южных цветов. Вдруг повезёт изловить хоть одну птичку. Я бы рассмотрела её близко-близко и отпустила. А если ещё больше повезёт, я, может, поймаю и как-нибудь приручу маленького дракончика-варана. Он станет домашним, а когда вырастет большим, то запугает тех, кого я не люблю.

В Африке, конечно, много хорошего. Но я всё-таки рада, что мне удалось родиться у себя на родине. Я люблю разговаривать не только пальцами, но и языком. А если б я родилась в Африке, мне пришлось бы трудновато, ведь я ни слова не знаю по-африкански.

Земля делалась всё твёрже и твёрже. Лопаты звенели и капризничали, отказываясь копать.

– Вечная мерзлота, – пояснил Павлик.

– Нужно развести костёр, и земля сразу оттаяет, – сказала Сардана. – Так весной делали рабочие, когда закладывали трубы, я видела.

Мы натаскали сухих веток и начали разогревать землю костром. Под беседкой стало дымно, глаза слезились, в горле противно першило.

– А ну-ка домой, домой! – слышался издали голос Сарданиной мамы. Поспешно закидав не успевшие обгореть сучья землёй, мы разошлись по домам.

Я никак не могла уснуть, потому что в моём мозгу засела одна неприятная мысль: легко упасть в Африку, раз она внизу. А как мы вернёмся обратно? Всем известно: снизу вверх не упадёшь...

Вдруг среди ночи кто-то заорал диким голосом: «Пожар, пожар!» Я моментально проснулась. Сразу стало плохо от зловещего предчувствия, что горит беседка. А предчувствия редко меня обманывают. Беседка не просто горела. Она полыхала, как прекрасный факел! В другое время я, возможно, тотчас помчалась бы полюбоваться этой редкой красотой. Но теперь было не до любованья. Я с головой завернулась в одеяло, потя от стыда, страха и жалости. Бедная старая купеческая беседка...

Утром со мной никто не хотел разговаривать. Даже бабушка отворачивалась или смотрела сквозь меня, будто я превратилась в привидение. Я поняла, что они знают, кто вечером крутился возле беседки.

После завтрака папа взял меня за руку и повёл по дороге неизвестно куда. Видно, решил увести далеко в лес и навсегда заблудить, как Мальчика-с-пальчика, пока я не натворила ещё более страшных дел. Жаль, я не догадалась захватить камешки, чтобы бросать их по дороге и потом найти по ним обратный путь. Поэтому я сначала старалась по сильнее шаркать сандалиями прямо по успевшей нагреться пыли – пусть останутся хотя бы следы. А когда папа отпустил мою руку и пошёл впереди, я стала вытягивать нитки из подола своей

юбки. Ткань была сыпучая и легко отдавала нитки. С надеждой на спасение я потихоньку разбрасывала их по дороге.

Выяснилось, что мы подошли к дому Павлика. Оказыва-ется, взрослые решили устроить тут родительское собрание. Перед дверью папа обернулся и увидел, что от моего подола остались одни лохмотья. Он схватился за голову и застонал. На стон выскочила мама Павлика с чашкой чая. Папа забыл поздороваться, схватил из её рук чашку и залпом выпил чай.

Выставив нас посередине комнаты, родители уселись во-круг. Перебивая друг друга, они говорили какие-то непонят-ные слова. «Вáрвары, пиромáны», – вот всё, что я запомни-ла. Эти обзывательные слова я вообще услышала впервые в жизни. После папа сказал мне, что варварами называют неве-жественных, жестоких людей, а пироманы – люди, которым нравится поджигать вещи и дома.

Объяснять родителям про Африку и операцию «МИК» – всё равно, что пытаться растолковать таблицу умножения коту Мурзику. Пришлось соврать, что мы пекли в беседке

картошку. Тогда они повеселели, и Васькин папа, вытерев ладонью пот со лба, сказал:

– Ну наконец-то! А то, понимаешь, Африка-мафрика, операция какая-то...

Родители вынесли решение, что мы должны вскопать картофельное поле – это будет для нас «воспитание трудом».

Люди в селе давным-давно посадили картошку. У нас она уже взошла зеленью, а на поле у речки, где был огород папы Павлика, царили лопухи и бурьян. Нам дали бутерброды, молоко в бутылках, всучили лопаты, брезентовые рукавицы и велели до вечера подготовить землю для картофельной посадки.

Да уж, вскапывать поле – совсем не то, что искать клад. Сорняки были словно жестяные, и вчерашние водяные мозоли на наших ладонях мигом ободрались.

– Всё из-за тебя, – ворчал на Павлика Васька, дуя на пальцы, – не мог придумать Африку в каком-нибудь другом месте...

Павлик усердно воспитывался и молчал.

Минут через двадцать мы решили передохнуть. Васька влез на изгородь, Сардана и я сели на бревно, а Павлик развалился на траве, о чём-то размышляя. Было невыносимо скучно.

Вдруг Павлик вскочил и закричал:

– Ура-а!

Сардана вздрогнула, я уронила бутерброд, а Васька сва-

лился с изгороди и порвал штаны. Не обращая на нас внимания, Павлик слетел с места и куда-то убежал. Недоумевая, мы переглянулись. Что бы это значило?

Долго ждать не пришлось: Павлик вскоре примчался обратно с рулоном ватмана и двумя большими пакетами. Их содержимое он высыпал в ведро. Оно наполнилось самыми разными богатствами: тут были рогатка, водяной пистолет, сломанный мобильный телефон, кулёк с орехами, игрушки из киндер-сюрпризов, поплавки, пачка фломастеров и ещё много-много всего. А Павлик бодро схватил лопату и начал закапывать свои «сокровища» в землю, как Буратино свои денежки!

Боже мой, подумала я, не иначе Павлика ударило солнцем, так бывает в жару.

– Ты случайно не съел какой-нибудь некачественный продукт? – участливо спросила Сардана.

– Интересно, что вырастет из пистолета? – засмеялся Васька. – Автомат?

Павлик в ответ весело махнул лопатой:

– Знайте: полезно не только откапывать, но и закапывать сокровища!

Он очень быстро закопал все вещички, кроме фломастеров, в разных местах поля. Потом разложил ватман на земле и принялся что-то писать на нём разноцветными буквами. Мы обступили Павлика вокруг.

Васька сам вызвался сбежать с объявлением к магазину. Через полчаса на поле «воспитывалось» уже штук двадцать мальчишек и девчонок. Огород они вскопали так, что на-

шим родителям и не снилось. Все ушли ужасно довольные. А больше всех были довольны мы и Павлик.

Поскольку работа завершилась, а до вечера осталось много свободного времени, мы отправились глянуть на останки сгоревшей беседки. Там кругом было черно от сажи. Беседка сгорела, сгорели горькие колючие огурчики. Обугленные доски закрыли проход к нашей африканской дырке. Рядом с канавой возвышалась горка привезённой земли и лежали жёлтые брёвна. Видимо, наши папы решили отстроить бабушкину беседку заново.

Мы нарисовали друг другу усы сажей, поиграли в купцов и разбойников и как-то незаметно совсем перепачкались. Терять стало нечего, и тогда уж мы намазались как следует. Стали как африканские дети! Мы плясали и прыгали почти до потери пульса. Из Васьки получился самый симпатичный африканец: он здорово умеет стоять на голове и дрыгать ногами.

Было жарко, солнце тоже разошлось. Мы побежали на речку отмываться и долго плескались на песчаной отмели. Потом загорали, а Васька выстругал перочинным ножом кораблики с бумажными парусами на палочках.

Течение уносит кораблики далеко-далеко. Если загадать желание, пустить кораблик и он не утонет, то желание обязательно сбудется. Мы загадали одно и то же: когда-нибудь попасть в Африку.

– Жаль, что они до неё не доплывут, – вздохнула Сардана.

– Зато у нас есть бутылка из-под молока! – закричал Павлик. – Можно затолкать в неё послание и отправить по водяной почте!

У меня самый красивый почерк, поэтому писать послание поручили мне, а придумали его вместе. Я написала африканским ребятам о нашей студёной зиме и сугробах, о том, как весело кататься на санках с горки и какие длинные сосульки растут у нас весной под крышами. И ещё о том, что совершенно неважно, есть ли в Африке клады, ведь самое главное – что мы хотим подружиться. Было бы просто замечательно найти какой-нибудь отдельный от взрослых остров, где жили бы только дети, росли бамбуки и ананасы, а зимой падал снег...

Мы отправили почтовую бутылку по течению и помахали письму на прощание. Оно быстро поплыло, торопясь в Африку.

Родительская комиссия была приятно удивлена результатами нашего «воспитания».

– Вот это дело! Не то что впустую о всяких Африках-мафриках мечтать, – сказал Васькин папа.

Мой папа спросил:

– Надеюсь, все постарались?

– В основном Павлик, – уклончиво ответила я.

– Молодец! – похвалила Павлика бабушка.

А мама Сарданы воскликнула:

– Прекрасно, когда человек умеет что-то делать своими

руками!

– И своей головой, – скромно добавил Павлик.

Огородный барабан

* * *

Бабушка посадила в огороде целую грядку репы. Вот и зелень уже появилась, а репы всё не видать. Я каждый день бегаю и жду, когда же на маленьких кусточках появится репа.

– Бабушка, – спрашиваю я, – может, ты перепутала и посадила какие-нибудь другие семена?

– Репа хорошо взялась, – возражает она, – будет сладкая как мёд.

Пришли Сардана и её братишка Вовка. Он смешно картавит: вместо «р» выговаривает «г». Поэтому я его дразню:

– Вовка Сидогов пгишёл, гепу вкусную нашёл!

Вовка не обижается и только кричит мне в отместку:

– Здгавствуй, моя гадость!

Я тоже не сержусь на него. Мы вместе бежим смотреть, как растёт репка.

– Что-то на кустиках её нет, – говорю я.

– Она не на кустиках растёт, а в земле! – хохочет Сардана.

– Дугочка! Это когешки, а не вегшки! – добавляет Вовка.

– Тогда она, наверное, уже появилась! – обрадовалась я. – Давайте посмотрим!

Мы выдернули один кустик – репы нету, только жалкий крошечный хвостик. Дёрнули второй – то же самое. Дёрнули третий – нет, и всё! Ни под одним кустиком репки не оказалось.

– Она ещё не выросла, – сказала Сардана.

Мы испугались и все кустики аккуратно воткнули обратно. А чтобы не расстраиваться из-за неудачи с репой, поплескались в теплице тёплой водой и нечаянно за разговором съели все маленькие огурчики.

За обедом бабушка грозно посмотрела на меня:

– Интересно, что за хулиганы в огороде похозяйничали?

Огурцы оборвали, репу выдрали... Пришлось новую посадить.

Я пробормотала:

– Давеча какие-то мальчишки возле нашего двора лазили...

– Ох, и всыплю я этим мальчишкам, если поймаю! – вос-

кликнул дядя Сеня. — Значит, так: ты, Валентинка, назначаешься главным сторожем огородного королевства и за всё, что в нём пропадёт, будешь нести ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.